

Н. Н. ФИРСОВ

Воспоминания о цесаревиче Николае Александровиче и императоре Александре III в юности

<Фрагмент>

<...>

Император Александр III в юности (1857–1861 гг.). — Два брата. — Неразговорчивость и застенчивость. — Трудно привыкать к величеству (1882 г.). — Настойчивость и преподаватели. — Примеры внимательности к чужому мнению. — Комиссия о голодающих и земское училище. — Адъютант его высочества П. А. Козлов

Его императорскому высочеству великому князю Александру Александровичу (впоследствии императору) я был впервые представлен тоже зимой 1857–1858 года во время одного из моих посещений его августейшего брата¹. Окончив курс Михайловской артиллерийской академии, я поступил в 1-ю легкую Его Императорского Величества батарею, в которой числился и великий князь Александр Александрович. Позднее, в шестидесятых годах и начале семидесятых, когда он был уже наследником престола, я не раз во время моих приездов в Петербург являлся к нему по некоторым обстоятельствам, связанным с моими обязанностями предводителя дворянства, а потом председателя губернской управы.

В 1874 году я был командирован министерством финансов в Лондон, в качестве комиссара русского правительства на частичной международной выставке. Президентом общей выставочной комиссии в Англии был принц Уэльский (ныне король Эдуард VII), а почетным председателем русского отдела числился его императорское высочество Александр Александрович. Летом того же года он приезжал в Англию вместе с императрицей Марией Александровной, навестившей только что вышедшую замуж за герцога Эдинбургского великую княгиню Марию Александровну. Императрица совместно с цесаревичем удо-

стоила русский отдел выставки своим посещением, и на меня выпала обязанность быть путеводителем августейших гостей. Постараюсь вкратце передать мои впечатления и воспоминания, относящиеся до намеченных эпизодов. Оговариваюсь, что они чужды политики.

Почти каждый раз, когда я еще фельдфебелем Михайловского артиллерийского училища бывал призываем (1857–1868 гг.) к цесаревичу Николаю Александровичу, я видал у него великого князя Александра Александровича, которому тогда было около 16 лет. Невозможно было не подметить существование большой между ними дружбы. Александр Александрович, обыкновенно очень равнодушный к речам собеседников вообще, всегда внимательно прислушивался к тому, что говорил его старший брат, и, бывало, при этом они обменивались любящими, добрыми братскими взглядами. Только цесаревичу удавалось иногда втянуть его в общий разговор, тем не менее по внешности и манерам они так сильно между собой различались, что невольно приходило на мысль сравнение. Николай Александрович был худощав, строен, грациозно гибок. Продолговатое лицо его с античными и тонкими чертами было замечательно красиво. Окруженный лицами, ему знакомыми и располагающими к себе, он был оживленно разговорчив, часто очень весел, охотно шутил, разговор его временами делался весьма интересным, проступала некоторая начитанность, вдумчивость, иногда, впрочем, впадавшая в одно-сторонность, которая, надо полагать, обуславливалась неизбежной одно-сторонностью дворцового воспитания. Впрочем, это не мешало ему внимательно относиться к мнениям, противоречащим его взглядам. Случалось, что, увлеченный разговором, он словно вовсе позабудет о своем высоком положении. Насколько искренно он так поступал, не знаю, но выходило так, что окружающие чувствовали искренность и были совершенно *à leur aise*². В его интимном кружке, вообще когда в данной обстановке отсутствовали элементы официальности, он желал, чтобы его называли просто Николай Александрович, без всякого титула. Так это было и во время его поездки по России, которой я уже коснулся выше.

Однако достаточно было, чтобы ему доложили о каком-нибудь официальном посетителе, чтоб он преобразился. Его на редкость красивые, выразительные глаза и лицо (тогда еще не истомленное болезнью) становились мгновенно бесстрастны, серьезны, хотя, за весьма редким исключением, холодно-вежливы. Он обыкновенно вставал (чтобы он разговаривал иначе, как стоя, со случайными официальными посетителями, я не помню) и, слегка склонившись вперед своим тонким туловищем, выслушивал данное лицо. Как только такой посетитель удалялся, великий князь обращался опять в симпатичного собеседника.

Великий князь Александр Александрович был тогда еще отроком*. Но все, что я слышал и читал о нем как императоре, все его портреты заставляли вспоминать английскую поговорку: *the child is the father of the man***.

В придворных кружках было известно, что его бабушка, вдовствующая императрица Александра Федоровна (в то время она еще была жива), прозвала его «*mein Baurchen*»³. Тогда еще он не достиг своего полного роста, но был уже широкоплеч, широкогруд, мускулист, очень округл и лицом и телом. Прост в обращении до того, например, что за завтраком у брата пододвигал гостям фрукты, воды. Однажды я видел, как он налил воды своему *vis-à-vis*⁴. И все это делал молча. Вообще разговаривать не любил; и нередко не то конфузился, не то стеснялся.

Те, кто более или менее знавали Александра III императором, говорили, что некоторая застенчивость с людьми мало ему знакомыми сохранялась и тогда. Я знаю, например, достоверно следующий характерный факт. Будучи проездом в одном из университетских городов, вскоре после своего вступления на престол, Александр III принимал между прочим ученых персонал. Одного из профессоров, бывшего когда-то его преподавателем, государь задержал у себя в кабинете. Когда они остались с глазу на глаз, государь усадил старого учителя; садясь сам, вздохнул, как будто освобождаясь от конфузливости, которая тяготила его во время официального приема, и разговорился так охотно и просто, что профессор на вопрос царя:

— Как вы находите, много я переменялся с тех пор, как мы не виделись? — совершенно искренно возразил:

— Напротив, государь, я дивлюсь, что вы остались совсем таким же, как прежде, невзирая на ваше положение.

— Э, батюшка, — отвечал Александр Александрович, улыбаясь и дружески трепля профессора по плечу, — ведь к величеству-то не очень легко привыкать...

Я подметил между прочим, что он очень не любил, и юношей и взрослым, чтобы лица, ему представленные, у него целовали руку или плечо. Он ограждался от этого, смотря по положению данного лица, либо демонстративно, отступая назад, либо преувеличенно крепко пожимая руку представлявшегося ему и в то же время упруго вытягивая свою мускулистую, сильную руку, дабы удержать посетителя подальше от своего плеча. Таким знавал я великого князя около 60-х годов, когда он появлялся изредка между офицерами

---

* Меня в начале 80-х годов поразила неизлечимая болезнь, вынуждающая жить на чужом юге, и я не видал Александра III после его вступления на престол.

** Малое дитя — отец взрослого человека.

нашей батарее, к которой принадлежал в качестве, так сказать, почетного товарища. Конечно, его молчаливость, стесненный вид, привычка не то рассеянна, не то нетерпеливо барабанить слегка пальцами по ближайшему предмету, каске, стулу, и проч., стесняли окружающих. Зато беспритязательность не только искупала все, но возбуждала невольную к нему симпатию.

Возможно, как полагали некоторые, великий князь Александр Александрович сознавал недостаточность своей подготовки и не хотел этого выказывать. А раз поставив себя так в ранней юности, он и не хотел, или даже не мог, впоследствии измениться. Настойчивость же была ему прирождена. Я знал от достоверных лиц, что его преподавателям было не легко исполнять свои обязанности. Как они рассказывают, он обыкновенно изрядно понимал объясняемый ему предмет; в общем усваивал пройденное. Но часто неверно, небрежно выражался, отвечая урок, искажая его смысл, а уж если он раз употребил какую-нибудь неправильность, то не отступал от нее и повторял ошибку, невзирая на все усилия и толкования учителя.

Что же касается слухов, что он вообще не терпел противоречий и сердился за них, то я (конечно, в очень скромной сфере, не имевшей касательства к государственным делам) имел не один случай убедиться в противном; по крайней мере относительно его молодости эти слухи были не основательны.

Несколько раз в кружке цесаревича, когда случалось, хотя изредка, что Александр Александрович выражал свое мнение и ему возражали, не стесняясь, он спокойно, правда, весьма лаконично, еще раз повторял свои слова и затем смолкал. Правда, хмурился иногда, но не гневался. Помню также, во время посещения им лондонской международной выставки он заинтересовался в английском отделе восточными коврами и называл их турецкими. Они же были на самом деле персидскими, как я досконально знал. И я это ему сказал. Он не соглашался, я доказывал, он выслушивал и наконец согласился, правда, как будто неохотно, но во всяком случае добродушно. В следующей же зале между нами произошел подобный же разговор по поводу выставленных английских седел. Но, однако, ни тогда, ни после и следов неудовольствия его высочества я не мог подметить. А так как великий князь Александр Александрович был человек прямого нрава, чуждый всякой излишней любезности, то полагаю, что и в самом деле противоречиями не раздражался. На профессоров, о которых я сейчас упомянул, хотя и безуспешно, но повторительно поправлявших ошибки в его уроках, он тоже, как я знаю, не гневался, хотя оставался при своем понимании преподаваемого ему урока.

Я могу привести еще более веские доказательства того, что цесаревич Александр Александрович при всей своей прирожденной настойчивости был доступен к практическому восприятию убеждений, противоречивших его собственным.

Во время голода, поразившего наш край и значительную часть севера России в 60-х годах, он председательствовал в особой комиссии, учрежденной по высочайшему повелению. Комиссия эта, вследствие препон со стороны бюрократии (упорно отрицавшей самый факт голодания нескольких миллионов людей), была назначена гораздо позднее, чем бы следовало, она работала, так сказать, против течения, идущего сверху, ибо высшей администрации удалось заразить недоверием к местным органам земского самоуправления высшие сферы, не исключая и монарха. Цесаревич, приступая к работам комиссии, в некоторой степени тоже имел предубеждение. Между тем мне лично (как предводителю дворянства в одном из наиболее пострадавших от голода уездов, а вскоре председателю новгородской губернской земской управы), а тем более моему предместнику Н. А. Качалову, который по приглашению великого князя принимал деятельное участие в работах комиссии о голодающих, хорошо известно, что ее августейший председатель весьма внимательно относился к мнениям и указаниям нас, земских людей, идущим иногда вразрез его соображениям; что комиссия пользовалась ими и применяла их с пользой.

Размеры и план моих настоящих очерков не позволяют мне вдаваться в подробности. Об этом предмете, о голодах на севере и отношении к ним тогдашней администрации, я имею в виду написать особо, по приведении в порядок соответствующих материалов*.

Однако к сказанному я должен прибавить, что доступность цесаревича к мнениям лиц, ближе его знакомых с данным делом, обрисовалась и по другому, значительной важности, вопросу: учреждению новгородским земством училища для приготовления сельских учителей. Это была одна из первых попыток сего рода в России. Министерства внутренних дел и народного просвещения очень враждебно к ней относились и сумели враждебно настроить высшие влиятельные сферы. Наследник цесаревич также не без скептицизма сначала относился к такому новшеству. Однако земцам, нашедшим доступ лично к его высочеству, удалось настолько убедить его в пользе учительских школ, что он настойчиво содействовал тому, чтобы подлежащие министерства разрешили ее открытие. И дабы упрочить существование

---

* В 1882 г. напечатан мой очерк об отношении тогдашней администрации к голоду. Факты исторически верны, но иначе, как в беллетристической форме, в то время нельзя было напечатать о них; и самое заглавие по цензурным причинам до невозможности скромное.

учреждения, принял его под свое покровительство. Нельзя не упомянуть при этом благодарным словом Павла Александровича Козлова. Он был в то время адъютантом государя наследника, пользовался его доверием и помогал немало земским людям.

Неподготовленность. — Избрание или назначение? — Простота и добродушие. — Представление у государыни цесаревны Марии Федоровны. — Императрица Мария Александровна и цесаревич на лондонской выставке (1874 г.). — Государыня и русский язык. — Александр II, наследник цесаревич и капитан (война 1877 г.)

Тем не менее я не могу не сознаться, что, на мой взгляд, великий князь Александр Александрович в некотором отношении к тому положению, которое выпало на его долю после кончины его старшего брата, был недостаточно подготовлен. Мне это неоднократно случалось замечать. Вот один из примеров. Когда я дослуживал третье трехлетие в звании уездного предводителя дворянства⁵, то Н. А. Качалов, лично известный наследнику цесаревичу, был назначен архангельским губернатором, а губернское земское собрание избрало меня на его место⁶. Его высочество был, как я сказал уже, почетным покровителем нашей губернской земской учительской семинарии. Земство ежегодно представляло его высочеству отчет по этому учреждению. Обязанность эта возлагалась на председателя губернской земской управы; таким образом, через несколько месяцев после моего избрания мне надо было по этому случаю представляться в Петербурге цесаревичу. Приняв меня со своей обыкновенной беспритязательностью и сделав мне несколько вопросов, касающихся семинарии и врученного мною отчета о ней, Александр Александрович сказал:

— Так вас назначили вместо Качалова?

— Да, ваше высочество, земское собрание выбрало меня на его место, — отвечал я.

Он продолжал разговор, не заметив моей поправки; или, как говорили мне потом некоторые лица, знавшие его гораздо лучше меня, потому, что не придавал никакого значения различию службы по выборам и по назначению (хотя, как я знаю, около того же времени он в интимном кружке избранных высказал однажды, что его родитель дал России такой длинный ряд либеральных реформ, что ему, цесаревичу, ничего не останется, как даровать конституцию, когда наступит время царствовать). Как бы то ни было, на мою смелую поправку он совершенно никакого неудовольствия не выказал и даже очень милостиво, просто спросил меня, представлялся ли я государыне цесаревне, и на мой отрицательный ответ он как бы мимоходом заметил, что ее высочество принимает (насколько я помню)

по вторникам. Через два года, когда я, вновь избранный губернским земским собранием, приехал в Петербург и представлялся с обычным отчетом цесаревичу, он сказал:

— Поздравляю, вы опять назначены председателем земства.

Кстати замечу, что прием у ее высочества Марии Федоровны происходил необыкновенно просто и беспритязательно. Конечно, как водится, желающий представляться должен был предварительно записаться во дворце в особой книге. Эту формальность я исполнил в первое посещение тотчас по выходе от цесаревича. Если записавшееся лицо удостоивается приема, то дня через два получает извещение от гофмаршала о дне и часе приема.

В день моего первого представления прием был назначен, помнится, в два часа. В аванзале⁷, из которой дверь, охраняемая камерлакеем⁸, вела во внутренние покои великой княгини, было немногочисленно: всего шесть человек, из которых с двумя (кн. П. А. Васильчиковым*, тогда советником венского посольства, и кн. Черкасским) я был знаком. Симпатичный гофмаршал ген. Зиновьев присутствовал все время, занимая гостей разговором. Ему, как всегда, помогал в этом отношении П. А. Козлов, адъютант наследника, очень умный, образованный и красивый, оживленный, шутливый, но очень нервный молодой человек. Грустно вспоминать, что он так рано и внезапно покончил свою карьеру трагическим сумасшествием.

По приглашению гофмаршала⁹, следившего за очередью, представляющиеся входили в покой цесаревны; но в сущности их никто не представлял; она следила, не знаю, по памяти или по записке, которой, однако, я около не мог заметить. Когда один возвращался в залу, то Зиновьев мягким движением руки и улыбкой приглашал идти следующего; дверь бесшумно распахивалась и запахивалась за ним камерлакеем. Когда очередь дошла до меня, то я нашел цесаревну в просторной квадратной приемной. Она стояла впереди круглого дивана, на который опустилась, приняв мой поклон и самопредставление. Затем заговорила по-английски (после датского это был ее излюбленный язык) о нашей земской учительской семинарии, с отчетом которой несколькими днями раньше я представлялся ее супругу.

Меня не удивили ни английское обращение к незнакомому русскому земцу, ни ее речь о земском деле. Я знал, что многим высокопоставленным особам лица им приближенные сообщают заранее некоторые сведения о тех, которых они имеют в виду принять. Весьма вероятно, что цесаревна не особенно интересовалась земством. Да и понятие о нем имела весьма слабое, как было видно из ее немногих, слабых

---

* См. «Ист. вест.» мою ст. «Первый земский съезд».

вопросов. Но тем не менее подобные мелочи являются часто приятным знаком внимания для представляющегося, скорее иллюзией.

Кстати, вспоминаю случай, подтвердивший мое мнение, что высокопоставленные лица далеко не так строги, как обыкновенно говорят, к промахам против придворного этикета людей не придворных.

Я уже упоминал, что в 1874 году министерство финансов командировало меня в Лондон, в качестве комиссара русского правительства на международную выставку при South Kensington'ском музее...¹⁰ Этот музей, основанный в память принца Альберта, супруга королевы Виктории, имеет целью содействовать развитию и усовершенствованию с технической и художественной стороны промышленности, ремесл, искусств и пр. Выставка при музее имела то же назначение. Они устраивались в начале 70-х годов ежегодно, были международны, по предметам однако, не общие, а только частичные, т. е. как Англия, так и приглашенные ею государства устраивали свои отделы по трем-четырем отраслям искусств и промышленности. Сравнительное изучение отделов было доступно специалистам, ученым, техникам, а также и рабочим. South Kensington'ский музей приобретал и от иностранных экспонентов наиболее полезные для английской промышленности коллекции и выставлял их потом поочередно в различных частях Лондона, ради пущей доступности населению. Вообще дело было удачно задумано. Но, к сожалению, просуществовали эти выставки всего четыре года. Как утверждали лица, заинтересованные делом, оно было задушено благонамеренностью бюрократов. Я разделяю это мнение. Не в одной России бюрократия ложно понимает свое истинное назначение. Еще Диккенс ознакомил нас с «департаментом кругом да около» и дорого стоящими нации бесполезными «Powder and Pomatum office»*. Но, впрочем, это постороннее.

Когда императрица прибыла в Лондон, мы с товарищем, также комиссаром русским, полковником Греком, почти постоянно проживавшим в туманной столице Альбиона, решили просить ее высокочество удостоить русский отдел выставки посещением.

Она приехала с цесаревичем. Представляясь ему, я воспользовался случаем и дал понять, что посещение им и его августейшей родительницей русского отдела выставки значительно повысило бы в иностранцах интерес к русским произведениям.

Александр Александрович с этим согласился. Через несколько дней мы получили известие о дне и часе, когда пожалуют высокие посетители. Английская выставочная администрация озаботилась, чтобы государыня, без особого для себя труда, могла видеть великобританский и другие отделы. Между прочим, ввиду ее слабого здо-

---

* Департаментом Пудро-Помадным.

ровья, были приготовлены катальные кресла и служащие в ливреях для передвижения их. Однако государыня, прибыв с цесаревичем и герцогом Эдинбургским в Albert Hall¹¹, отказалась от кресел и носилок. В этот день она хорошо себя чувствовала, и весь русский отдел и часть английского она обошла без посторонней помощи и очень бодро. Я был ей представлен состоявшим при ней князем Барятинским, и она выразила желание, чтобы я сопровождал ее и дальше и давал ей объяснения. Мне пришлось идти все время с нею рядом с левой стороны. С правой же шел герцог Эдинбургский, молодой супруг великой княгини Марии Александровны. Государыня с интересом относилась ко всему, что встречалось выдающегося. Довольно долго оставалась она в образцовой учебной кухне при выставке. Мне более часа пришлось сопровождать и разговаривать с нею, она делала много вопросов, выражала попутно свои мысли. Заговорила она со мной сразу по-русски свободно и чисто. Герцог же Эдинбургский разговаривал с ней только по-немецки и, очевидно, не понимал по-русски. Мне казалось, что ему немного досадно это, и поэтому я позволил себе одно из объяснений сделать по-немецки. Мария Александровна внимательно выслушала, но тотчас же, как бы демонстративно, опять заговорила со мной по-русски. Потом мне говорили, что я совершил чуть ли не *leze majeste*¹², заговорив по-немецки, когда императрица обращалась ко мне неизменно по-русски.

Однако никто из ее окружающих не был этим шокирован. И сама императрица очень благосклонно отнеслась ко мне, когда я откланивался ей перед ее отъездом. В заключение привожу факт, едва ли кому известный не как личное воспоминание, а как материал для истории того времени... Он интересен, ибо как бы подчеркивает некоторые характерные черты, свойственные цесаревичу Александру Александровичу и отчасти императору Александру II.

Я знаю об этом факте от артиллерийского капитана О. В. Малиновского, которому всегда можно было верить. Он кончил курс в артиллерийском училище около 1848 года. После Севастопольской кампании, в которой участвовал и был ранен, вышел в отставку. Без малого двадцать лет спустя, в 1877 году, когда Россия объявила войну Турции, он вновь поступил в военную службу и поехал в действующую забалканскую армию. Чин его был тогда штабс-капитанский. Ему пришлось служить под начальством не только своих бывших одноклассников, уже генералов, но и однокашников гораздо его младших. Офицер он был храбрый, на расторопность которого начальство полагалось.

К сожалению, я запомнил наименования, встречающиеся в его рассказе, местностей. Это, впрочем, не умаляет интереса самих фактов, подробности которых отчетливо сохранились в моей памяти.

Однажды начальник Малиновского отправил его с важными депешами к военному министру генерал-адъютанту Милютину, находившемуся в главной императорской квартире. Кроме того, ему поручено было передать какие-то документы начальнику другой части действующей армии, расположенной далее. Всего пути в одну сторону было добрых половина дня. Ехал или, вернее, скакал капитан Малиновский верхом.

Добравшись до императорской квартиры ранее полудня, Малиновский поспешил явиться, как ему приказано было, к военному министру, но узнал, что генерал-адъютант Милютин находится у государя и должен с ним куда-то немедленно ехать. Экипаж был уже подан. Малиновский решил выждать министра в стороне на верхних ступенях перрона дома, который занимал император. Ждать пришлось недолго. Александр II спускался с лестницы; в нескольких шагах за ним следовал Милютин. Капитан приблизился к последнему, чтобы передать депешу. Государь это заметил прежде, чем сесть в коляску, позвал к себе запыленного, забрызганного дорожной грязью гонца и задал ему несколько вопросов. Осведомясь о том, куда лежит его дальнейший путь, царь спросил его:

— Значит, ты будешь проезжать через квартиру цесаревича?..

Капитан утвердительно поклонился.

— В таком случае представься цесаревичу. Скажи ему от меня, что я сию минуту получил донесение о последнем деле, в котором принимал участие отряд его корпуса. И скажи его высочеству, что я прошу беречь моих солдат.

Последние слова государь как бы подчеркнул. В деле, о котором он упоминал (как было уже слышно в армии), действительно оказалось с нашей стороны, судя по результатам, много убитых и раненых.

Государь последовал к экипажу. Капитан же (как он мне говорил) остался ни жив, ни мертв, хотя вообще человек он был не робкий. Поручение было более чем щекотливое, почти опасное. Государь, вероятно, дал его под влиянием впечатления, произведенного на него только что полученной горькой вестью. Малиновский, подойдя к Милютину, спросил, слышал ли последний слова его величества. Получив же утвердительный ответ, он попросил позволения записать эти слова в присутствии самого министра, чтобы не вышло какого-нибудь неприятного недоразумения.

Затем, напоив своего коня, он поскакал далее и прибыл в место пребывания наследника к раннему обеду. Приближенные цесаревича, узнав, что капитан имеет поручение от императора, провели гонца немедленно к большому продолговатому шатру, парусина которого с боков была подобрана. В центре же шатра стоял убранный для трапезы стол, за которым еще никто не сидел. Александр Алексан-

дрович в коротенькой тужурке, глубоко в карманы засунув руки, сидел в стороне с несколькими офицерами своей свиты. Когда ему доложили о прибытии офицера с поручением от его величества, он встал и, медленно, грузно приблизясь к стоявшему у входа Малиновскому, спросил, что ему нужно?

Капитан не совсем твердым голосом передал слова императора, которые дорогой заучил наизусть по записке, одобренной министром. Цесаревич выслушал бесстрастно. С полминуты, бровью не дрогнув, пристально и безмолвно поглядел в лицо посланца, слегка вздохнул и, повернувшись к нему спиной, не вынимая из карманов глубоко запущенных туда рук, удалился к обеденному столу.

Малиновский стоял недвижим, не зная: *soll ich gehen, soll ich stehen*¹³. Какой-то адъютант сжалился над ним и сообщил, что он может отправляться. Этот рассказ напомнил мне пятнадцатилетнего великого князя и английскую поговорку: «*the child is the father of the man*».

